

звёздный ВЕТЕР

Лучшие рассказы по итогам сезона 2014-2015 гг.

Ирина Маракуева

Кислород

Он с трудом разлепил веки, заслышав свой тон сирены. Раскальвалась голова. Опять... Он опять не выдерживает убогой ночной дозы кислорода. Признаться в этом даже жене – конец мечте. Никакой надежды на будущее: упекут в санаторные отсеки, и – преть на койке при высоком кислороде и запрете на резкие движения. Умирать в неподвижности под бодрые крики репортёров из новостей, что после каждой фразы нюхают респиратор... Гуманно, но неприемлемо. Ему – неприемлемо. Многие сдаются и уходят.

Жена... Разве она останется с убогим? Она из новых мутантов, ей всё ни почём. Ей не понять, чего стоит ему, награждённому старыми генами древней планеты, продемонстрировать ей свою мужскую состоятельность, не упав в обморок.

Зарядка. На койке, наверху, пока жена внизу лязгает эспандерами и его не видит. Он тренькает пальцами по пружинам, прикрыв телеглаз одеялом, как бы в утреннем энтузиазме откинутым горкой к глазастой стене. Это маленькие хитрости его старозаветного мозга, подкреплённого многолетними изысканиями в груди томов, забытой новыми мутантами Всемирной Библиотеки. Туда его, по счастью, прикомандировали с детства как никчёмного, бесперспективного подростка...

Значит, зарядка. Его зарядка – то есть зарядка мозга. Тело – обойдётся...

Имя? Несущий Стяг сын Скворца и Камня. Бессмысленное имя. Из всего этого только камень остался. И народов Скворца и Камня уж нет: всё смешалось в великом коловращении Времени. Кому теперь нужно имя, пыш-

ное и многобуквенное: Кон-Рад-Робин-Штайн (сон)? Остался номер. Конрад – максимум, что могут запомнить жена и сотрудники. Для остальных – номер с десятью цифрами, что скоро сменятся на одиннадцать. Для охранных служб – знак, символ Библиотеки (многозначительный ноль) и его личный номер сотрудника. Охранникам просто: библиотекарей меньше сотни. Книги запечатаны в камерах с инертным газом, и их можно вскрывать лишь для анализа текста. Анализируют лишь убогие и странные – вот, как он. Жена Эрн (новые очень берегут буквы) сама удивляется, что она нашла в Конраде, – ведь получить разрешение на дитя с таким мушкетером почти невозможно. Он это покорно слушает. Жена – вещь редкая и дорогая. Мушкетер – это он, с его мышцами, с его древней фигурой, что смахивает, как сказал однажды сотрудник Перл, на античные статуи. Нет у него модных узких плечиков, увитых змеями тоненьких

жильистых мышц, нет куриной грудки, килем выступающей вперёд, нет ямы под рёбрами и изящно искривлённых буквой «о» ног...

Правда, у самой Эрн не всё в порядке. Такие оголи, что с буквой «о», на неё и не взглянут – разве что те, второго сорта, у которых ноги иксом... У неё атавистическая грудь, которая Конраду нравится. Эрн стягивает грудь резиновой косынкой, грудь обвисает, но всё равно выдаёт уродство неприличным валиком. Красавицы над ней хихикают, поводят могучими плечами и безжалостно обнажают до пояса безгрудые тела: мол, плоские без всяких косынок!

Ша! Пора вниз. Лифт не ждёт. Надо умываться и бриться. Жена лязгала до последнего и теперь затягивает козынку, перекрыв вход в санузел.

– Опоздаешь! – опасается он, свесив голову вниз. То, что опоздает он, Эрн не интересуется.

– А я бегом, – отвечает она, бодро клюёт его в лоб поцелуем и вылетает из двери, унося в затхлую теплынь коридора последний камерный кислород. У него кружится голова... Он вздыхает и сползает с полки – одеваться, умываться и бегом в лифт, где лифтер озабоченно спросит о здоровье – его работа, так положено.

– Это я после душа не вытерся, – улыбнётся Конрад, привычно смиряя частоту дыхания и срочно вытирая пот с лица и шеи.

Лифт. После – ещё лифт. Глуби планеты изверчены городами: не дарить же кислород скудной атмосфере? Чёрно-синее небо видят на экранах лишь Конрад да высокие лица, что решают судьбы его мира. Он – из Библиотеки. Они – откуда-то ещё. Никогда им не пересечься, как и многим жителям этого города, не говоря уж о планете.

Конрад выскакивает из лифта и ныряет в двери Библиотеки. Охранники кивают. Эрн где-то кивает кому-то другому. Её работа мужа не касается.

День начат. День последний – тот, что решит его судьбу, День Лотереи Мира.

*

– Вы считаете, он готов? – спрашивает Правитель. Сам Правитель, а не его представительский двойник с кривыми ногами. Правитель, что не стесняется своего изображения в зеркале: почти бог моря, что с трезубцем и весь мраморный. Правитель немного помельче, но и должность всё-таки ниже. – Всё необходимое он прочёл?

Разведчики кивают. Оба! Это редкость. Они обычно противоречат друг другу, и Правитель держит штат лифтеров для объективного анализа ситуации. Он благодарит Старшего за находку. Это он раскопал Конрада ещё в детстве и вёл основной надзор. Меньшой ревниво краснеет.

– Тебе, Меньшой, поручается доставка на место, – утешает его Правитель, обидев Старшего.

Весы качаются: недодать – передать... Шёпотом Старшому: «Под твою проверку, Ваня». Теперь – равновесие. Можно прощаться.

Мнительными и склочными стали они со старым геномом. Страх вырождения, потеря надежды на будущее мира – и вот оно: вечные обиды умных и верных людей. Нет у них опоры. Семей нет – у всех уж в детях новые мутанты. Вот и ушли они во дворец, вот и работают с людьми через представительских кривоногих птицегрудых двойников с особой сексуальной привлекательностью. Тем править – не дано. Кто будет править в этом мире, когда уйдут старики? Может, девицы их смогут? Но у них нет мозгов. Образования тоже нет – одни амбиции.

Уходит мир мысли, покидает планету. Приходит мир убогих желаний. Вовремя умрут старики, самого заката не увидят.

Так. Этот мальчик – Конрад Робинштайн (сон). Ему предназначен выгрыш, к этому его готовили с детсада пятого уровня – сада для старых геномов, где тратился, не жалея, драгоценный кислород. Правитель не увидит парня. Не положено. Какое дело Правителю до народной лотереи? Это – дело Репортеров, сиречь царства Меньшого. Они парня рассмотрят – и расскажут.

Правитель одёрнул тогу и прибавил кислорода под маску: вечер, действие в разгаре – весь кислород сброшен в Зал Лотереи. Из зеркала на него глянули налитые кровью воловьих глаза над маской респиратора с безобразным хоботом, прильнувшим к белоснежной тоге. Ремни баллонов привычно резали плечи. Ничего: таким его никто не видит.

Он включил экран. Пора.

*

Перл забежал, похлопал по плечу: – Удачи, Конрад. Защити честь библиотекарей! Я болею у экрана – места мне не досталось, сказали, что от нашей братии уже есть один – участник. Ты. Нам больше не положено. Я тебе в экран свистну. Ну, на счастье. Как ка-

меру направят на тебя, так свистну. Ты знай, да?

Теперь Конрад стоит в толпе претендентов. Из зала машут жёны: последний тур, жёнам выдали пропуска. Эрн не машет: стесняется показать немодную грудь. Следит за ним горящими глазами, ждёт. Нарядилась – надела португепю с кобурой. Надо же! Впервые он видит её с атрибутами профессии.

Много охранников. Ох, много. Кого и от чего здесь охранять?

– Начинаем последний тур! – выкрикивает ведущий, раскорякой выходя на сцену. Дамы за спиной Конрада взрываются визгом: сексапилен больно. Охо-хо... Дамам всё нипочём, а Конрад бы от этого визга сразу дыхание потерял. Но он – Конрад, а не ведущий. Тот с упоением визжит в ответ, и все довольны.

Откидывается пюпитр терминала, Конрад садится – и с изумлением обнаруживает, что его укрывают хрустальным куполом. Впрочем, других тоже. Это зачем?

Купол опалесцирует. Пуленепробиваем. Надо же! И – кислород! Божественный кислород! Голова благодарно стихает и перестаёт гудеть колоколом. Теперь она кружится – и тотчас кислород снижают. Ай да устроители! Заботливые.

Вопрос. Ответ. Ещё. Ещё. Темп нарастает. Тишина, реакции зала не слышно. Ещё. Похоже, он проскочил первый этап. Ещё. Быстрее... Да ладно. Ещё хотите? – Вот вам!

Купол сияет и откидывается. Истерично кричат дамы; цветные всполохи рождает всплывший подиум. Конрад победил.

Снова нет кислорода, и по шее Конрада катится пот. Выбирается на подиум Эрн. Она забыла про свою косынку и торжествует, размахивает руками, толкает его к толпе.

Конрад волчком отлетает к краю подиума, падает, а Эрн с грохотом палит над головами дам. Охранницы из ботельщиков с рёвом разворачиваются, и Конрад видит жертву Эрн: сексапильного юнца с бритым черепом во флуоресцирующих разводах.

В красном inferнальном освещении чёрная кровь струится по разбитой губе юнца, раненая рука висит плетью, гоголь хнычет и пытается отбиться от охранниц зала. Остальные мёртво молчат.

«За что?» – тупо пытается понять Конрад. Эрн подходит и помогает ему подняться.

– Урод! – шипит в ухо заботливо наклонившийся к нему ведущий и скалится в зал.

«А! Вот за что. Этого не исправишь».

– Итак, дамы и господа, представляю вам Чемпиона и его очаровательную супругу и защитницу. – Ведущий меряет глазами неприличный Эрнин валик. – Наш Чемпион доказал нам, что этот мир велик и разнообразен.

Свист мужчин взрывает зал, но дамы вдруг расположились к уродливой паре и самозабвенно визжат. Мужчины – свистят. Перл там, у экрана, тоже свистит!?

Строем маршируют охранницы зала, куда-то подевавшие подстреленного красавца. Мерзкая вонь после перестрелки. Конрад покорно принимает пакет победителя и видит удивлённые глаза Эрн: ей вручают книги, целую увесистую связку. Она держит их за верёвочку, словно бомбу. Дурочка! Ей подарили набор рекламных журналов второго – максимум третьего тысячелетия. Он ничего не стоит для этих новых людей, но для Эрн... Интересно...

Он вскрывает свой пакет и машет квадратом твёрдого пластика с рисунком корабля: за то боролись. Зал визжит.

– Билет на двоих! – надрывается ведущий. – Три года под куполом на новенькой планете новенькой жёлтенькой звезды! Он, она – и никого больше!

Зал снижает. Ну да! Как им представить ТАКОЕ одиночество? Три года в семейной камере!?

Ведущий берёт из рук ошеломлённой Эрн книги, развязывает верёвку и подносит журнал к проектору. На экране – кухня. Верно! Конрад не ошибся. Двадцатый век. Конец. Или – начало двадцать первого.

– Эта кухня может быть её! Эта... кровать!

Слово «спальня» ведущему не знакомо.

– И эти игрушки – для их детей!

Зал свистит, визжит, стонет в зависти. Эрн наконец улыбается, взвизгивает и уводит Конрада внутрь строя охранниц. Возврата нет. Теперь они полетят в Космос получать Конрадов выгрыш. Он, она и новенькая планета новенькой жёлтенькой звезды.

*

Правитель провожает взглядом яркую точку и откидывается в кресле.

– Ну, Ваня, теперь и выпить не грех, – намекает он Старшему, жестом поощряя Меньшого присесть. Вечные весы. Старшой достаёт бутылку археологического коньяка, от которого можно отрубиться на день. Так не пойдёт.

– Поило давай. Это убери. Помирать рано, – приказывает Правитель и кивает, завидев кривую флягу самогона. – Не разучилась наука!

– Могу чистого поставить, – басит Старшой, – из оптических резервов.

Колба с ректификатом зазывно сияет.

Ну что же. В такой день... Правитель подставляет мензурку. Всё, как в юности.

– Завидно, – вздыхает Меньшой, опрокинув свой сосуд. – Нам бы туда.

– А этих куда? Неси крест, друг любимый, – вдруг сдаёт позиции Старшой и обнимает соперника. – Да и последний этот кораблик. Работать некому. Мозгов им не хватает. Так что молодого – в Космос, старым – здесь пахать. Конрадов корабль я сам прозванивал. Дошло до того.

– Перебьют нас, Ваня! – прочувствованно отвечает Меньшой. – Мы, конечно, морды им расквасим, но стрелять-то они хорошо умеют... Числом возьмут.

Правитель улыбается.

– А и перебьют – мы своё пожили. Теперь... поди, поговори «с людьми» без двойников. Их чувство гармонии нашего уродства не приемлет! Парнишку, бедного, едва не прибили. Спасибо девице его, прикрыла молодца. Твоя, Старшой?

Но Старшой выразительно смотрит на соперника. Тот краснеет. Та девица – его?! И то хорошо. Ладно. Сделали, кажется, что могли. Теперь от них ничего не зависит... Парень! Не подкачай!

*

Перл провожал их в космопорте. В наружном скафандре он был неузнаваем: щуплое тельце превратилось в головастое, членистое.

– Привёз, что велели, – сказал он непонятное.

Кто велел?

– Будь, Конрад! Скучать мы тебе не дадим. Распакуешься – и забудешь, что летишь: все книги твоего отдела у тебя на борту. Жена? Желая приятно путешествовать. Растяните три года подольше, подышите там как следует. Может, ребёнка родите? Ну, привет!

Космопорт словно вымер. Конрад всегда считал, что там много людей – а тут сиротливые, какие-то обшарпанные ракеты. Драндулеты какие-то.

Двое неразговорчивых новых довели их на тележке и запихнули в корабль. Маленький какой! Зато вроде целый. Как-то спокойнее стало на душе.

Полный автомат. А чего ты ждал, Конрад? Торжественных проводов

и пилотируемого корабля с командой? Жирно. Здесь так: вставляй билет в регистратор – и лети. Третье тысячелетие именно так и летало. Нынче – нет. Проку в экспедициях предки не нашли и забросили идею космического туризма. Оставили Лотерею, чтобы хоть так... Возили Чемпионов на астероиды, рядышком, чтобы топлива не тратить. А они с Эрн – первые, кто летит на чужую планету за всю пятую тысячу лет... Ну, Конрад, старый геном, вспоминай историю своего мира! Новый Космос не нужен, они его боятся. Они не привыкли к небесам. А ты? Ты видел небеса столько планет, ты читал столько отчетов экспедиций, что искали-искали жизнь или хотя бы сносную планетку – но не нашли. Нашли её в конце четвёртого тысячелетия, когда она никому уже не была нужна. Та экспедиция была последней в истории человечества.

Принимай имущество, Конрад. Именно так написано рукой Правителя и завизировано его печатью. Принимай имущество, распишись в получении и лети!

Он ухмыльнулся и расписался любимой ручкой на этом странном листке, что приколот к планшету в рубке. Прямо под подписью Правителя расписался! Ку-ку, телеглаз! Конрад улетает!

Росчерк – и зажглась, заискрилась рубка, замерцали приборы. «Имущество» ожило и стартовало.

– Открывай обзор, – распорядился Конрад и замер в середине звёздного неба над колом родной планеты, что флуоресцировала, как череп давешнего убийцы-неудачника: синими, рыжими, зелёными и малиновыми пятнами выжженных земель. Да как же их много!

Эрн засвистела и ушла из рубки. Она боится, но ни за что не признается. И хорошо. Теперь найдёт время на рассматривание картинок в своих журналах, и Конрад отдохнёт в привычном рабочем одиночестве.

А у неё болит голова: зрачки сузились. Кислорода здесь в пору Старым, а ей многовато... Он убавил кислород до первых капель пота на шее, подумал – и изолировал рубку. Он здесь подышит!

Текли дни. Отдышавшийся Конрад облизал корабль, нашёл и распаковал груз. Правитель не поспешил. И читай, не хочу, и... ох. Эрн нашла его около продуктов и запретила их есть: их она будет готовить в своей кухне. Конрад питался привычными концентратами и ждал кухни, а Эрн погрузи-

дась в журналы и поваренную книгу. Ах ты, гурноды! И в ней что-то древнее прорезалось. Даже в любви она стала его замечать. Нашла рецепты в журналах? Читает?! Эрн читает!

Он обходил её каюту на цыпочках. Пусть тешится.

Однажды она явилась к нему в кружевном белье второго тысячелетия и смущённо спросила:

– Как я? Похожа на тех, предков?

– Конечно, – улыбнулся он. – Только ты красивее.

Она и впрямь красивее, но кобура на трусиках выглядит смешно. Зачем ей оружие? Однако объяснять не стоит. Лучше поцеловать и отыскать в гигантских корабельных запасах прозрачный пеньюар – под ним кобура стыдливо темнеет, но не лезет в глаза.

У них медовый месяц. Он не подозревал в жене такой страстности. Да и в себе тоже... Они одни. Нет за тонкой стеной камеры визгливых соседей, никто не дышит в ухо в лифте: их лифт ПУСТОЙ!!! И кислород есть, и Эрн к нему привыкает. И даже отзывается на имя Гермiona, разрешив тратить попусту драгоценные буквы. У неё наконец не собачья кличка, а настоящее полное имя... Кажется, Конрад счастлив.

И однажды рубка затухает, и они выходят в скафандрах на СВОЮ планету: голую каменистую сушу, где нет даже песка и серый океан угрюмо процеживается между острыми хребтами камней. Плеск. Рыжее небо и жёлтая яркая звезда... Солнце. Белая яркая тарелка... Луна. Была у них такая до четвёртого тысячелетия. А когда сплыла в космической битве, унесла за собой много жизней: без неё взбунтовался океан и горы расвирепели... Тогда люди стали бояться Космоса. Именно тогда.

Когда выходит Солнце, камни озаряются ослепительным светом. Иногда удаётся увидеть их цвет: неистово красный, оранжевый, синий и чёрный... Почвы нет. Откуда бы?

Гермиона уже в куполе, гоняет роботов, разгружает багаж. Кораблик смиренно стоит в ожидании. Однажды он засверкает, вззоет сиреной – и спустя час улетит домой. Это случится через предстоящие три года.

Жаль его покидать. Хороший был дом... Конрад уходит в купол.

Теперь у них есть кухня, спальня и кабинет. Есть оранжерея и зимний сад. Есть кислородная установка, что в избытке гонит кислород из окислов – дыши не хочу! Гермiona живёт активной жизнью в их «доме»,

Конрад читает – и ждёт. Чего-то ждёт. Ест жареную рыбу и устриц, грибки в сметане и пироги с капустой, пирожки с картошкой и ливером, икру и варёную кукурузу... Боже, неужели предки ели это всё?

Поначалу он страдает животом, благословляя личный унитаз в отдельном блоке, ибо второй такой блок занимает Гермiona, но не оставляет кулинарных изысков. И к пище они привыкают, и уже выбирают любимые блюда. Конрад ждёт. Ждёт, потому что так не бывает. Всё – и сразу – и навсегда. Ну, на три года. Не бывает так!

Проходит год, второй. Третий ползёт к концу. Конрад бродит по камням и смотрит в океан. Никого. Ни проблеска жизни. Ни надежды. Планета холодна, и нет в ней сил зародить жизнь. Если считать, что жизнь зарождается, что никем никогда не было доказано. О господи, что же ты? Неужели нет меры: либо всего слишком много, либо ничего?

Конрад начинает убавлять кислород под куполом: надо привыкнуть до возвращения, а то им грозит прямая дорога в дом инвалидов. Гермiona надеется на ребёнка. А что? Может, в этом и была цель трёх странных лет? Что-то родится без всяких там бумажных разрешений, придёт в мир по факту. Улетели вдвоём – вернутся троём?

Он ждёт подтверждения. Ну! Есть ли дитя? Ещё потерпи, ещё. Все-го недельку...

Новенькое жёлтенькое Солнце не дало им этой недели. Зазвало, притянуло рой метеоритов и слизнуло нос корабля, разбило купол и кислородную установку. Они остались в скафандрах, что успели надеть, и с частью корпуса корабля. Гермiona... нет, Эрн! была в ступоре. Уцелела рубка и каюты, сохранились запасы кислорода, но погиб её мирок. Кухня, оранжерея... спальня, наконец. Погребены под оргластовой плёнкой, затянувшей осколки рухнувшего купола: ремонт. Забавно. Ремонт при таком повреждении оказался трудом могильщика: запечатал останки, не дал Эрн спасти ни кружевного лифчика, ни кастрюлек – ничего, что она хотела спасти. Эрн в бешенстве расстреливала плёнку, прыгала, как ненормальная, пытаясь пробить её весом. Дурочка. Безнадёжно. Рецепт третьего тысячелетия. Предки веников не вязали...

Он увёл её на корабль. Раздел. Уложил.

– Ну, глупая, – сказал он ей. – Вон на тебе лифчик. Мало тебе? Главное – есть пока кислород и концентраты. Гер-

метичность есть в жилой зоне. Придётся только в одну каюту соединиться, иначе кислорода на ожидание не достанет. Сигнал через атмосферу не прошёл, но нас хватят и прилетят. Неужто бросят героя Лотереи? Не плачь.

Она скривилась и вытерла слёзы.

– Кислорода не хватит! – взвизгнула она. – Ты безумен со своим кислородом. И тратишь его, между прочим, гораздо больше, чем я. Так что не желаю я жить с тобой в одной каюте! Ненавижу тебя! Загащил меня на эту поганую планетку – теперь хочешь умирать вместе? Не желаю! Мотай к себе и не показывайся!

Ну что ж... У неё всё же будет ребёнок. Иначе почему она несёт такие глупости? Пусть успокоится.

Конрад надел скафандр и вышел наружу. К океану, что, как всегда, прочёсывал пряди струй и плескался... Океан неизбывен.

Сколько ей нужно времени? Час? Два? Больше никак: баллоны на исходе. Он вернулся к изуродованному кораблю – люк был заклинен.

– Эй! – сказал он в микрофон. – Не шути. У меня кислород на исходе.

– Маловато взял, – ехидно ответила она. – Нам с малышом больше достанется. А ты своё дело уже сделал. Обещаю, что никто не вспомнит, каким уродом ты был, зато все будут знать, что моё дитя рождено от Чемпиона. Привет! Можешь не стонать, я отключаю микрофон, мне нервничать вредно.

Конрад двинулся к океану. Вот чего он ждал все три года. Ждал предательства – и не хотел в это поверить.

«Ну, друг Перл, подышал я всласть, – подумал он. – Теперь вернёмся домой, к поту и одышке».

Пот не замедлил, как и одышка. Конрад лежал на гребне скалы, опустив руки в океан, и ждал. Ждал в себе ответа: это шутки новых мутантов или истинное их лицо? Потом он хрипел. Показалось даже, что если снять шлем, то будет там кислород... Но откуда быть кислороду? Жизни нет!

В глазах темнело. А она – молчала. Вот и ответ... Жизнь уничтожила жизнь. Жизнь породила жизнь... А смерть?! Что рождает она?

Последнее, что вдруг решил исполнить Конрад, когда мозг ещё мыслит, он успел: разгерметизировал скафандр, сорвал шлем и раскрыл рукава, после – вдохнул вонючую едкую аммиачную смесь чужой атмосферы и задохнулся в крике.

«Я умер, – пролетела тусклая мысль, – или родился?» Океан плескался в ответ. Бог тебе судья, Эрн!

Женщина уснула, лишь когда убедилась, что муж умер. Муж? Ублюдок, ради которого её услали к чёрту на кулички, а теперь сигнал не проходит через буйную атмосферу и она не может вызвать спасателей! Этот блаженный думал, что она ждёт ребёнка. Какой ребёнок от Старой крови? Да никогда! Даже начальство её на такое не подвигнет. Морочила дурную голову, чтобы не приставал... Теперь ей хватит кислорода. Она дышит гораздо экономнее, спасибо эволюции. Второе против недоделанных Старых прожить сможет, а там, может, и вправду прилетят? За ним, конечно. За ненаглядным уродом. А спасут – её!.. Во сне она улыбалась.

Запоздавший метеорит врезался в каюту. Хлопнула стена, вывернулась цветком, и взрыв кислорода уничтожил Эрн.

А исходящая криком печали душа мужчины зависла над волнами – новый мир не имел для неё места. Маленькая энергия чужого мира нарушила покой планетарных связей, что уже третий год испытывали незнакомое давление, и именно теперь оно достигло порога: дрогнула и заплескалась на орбите Луна, заметались волны океана, вспухли и раскололи тонкую корочку планеты вулканы. Спящая приёмная земля вдруг очнулась, согрелась, встряхнулась...

Тело Конрада охватил вздыбившийся океан, выдернул из скафандра, словно мясо из крабьей клешни, и тщательно размолотил на мелкие кусочки об острый гребень скалы. Ушёл под воду материк, гигантская волна пробежала вокруг планеты, рассыпая на молекулы своё новое приобретение – то, что по силе равно материнской звезде. Тогда звезда вспыхнула, выбросила язык протуберанца, чтобы облизать планету, словно пробуя на вкус старую надоевшую погремушку: та вдруг оказалась такой новенькой и блестящей... но не дотянулась, хоть и согрела заledenевший было мир.

На планете взлетели к небу мрачные тучи: и в тёплом аммиачном бульоне задрожали и расправились пришьлые органические молекулы Старой расы.

Вот и конец. Осталось совсем немного: поблагодарить. Так вот, Предтеча! Новая жизнь благодарит тебя. Твоё «Имущество» получено в целостности и сохранности. Ты видишь? Наша подпись – прямо под твоей, Конрад!